

Советский проект в дискурсе русской эмиграции

Сменовеховство

Поворотным моментом в восприятии советского проекта в эмигрантской среде явился выход в 1921 году сборника «Смена вех»⁴⁴. В нем авторы призывали пересмотреть отношение эмиграции к большевизму. Большевики в понимании сменовеховцев представляют собой единственную политическую силу, обеспечивающую национальные интересы России. К тому фиксировался вектор русско-имперской переориентации бывших революционеров, оказавшихся во власти. Прозвучавший

⁴³ Иванов А. М. Логика кошмара. М.: Русский вестник, 1993. С. 77.

⁴⁴ Смена вех. Июль 1921 / сб. ст. Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина, Ю. Н. Потекина. Прага: Тип. Политика, 1921.

от них призыв — «В Каноссу!» являлся следствием переоценки миссии большевиков в качестве «собирателей земли Русской». Разъясняя перед эмигрантскими кругами суть произошедшего, Сергей Чахотин писал, что вопреки своей официальной догме «русская “коммунистическая” республика должна была взять на себя национальную миссию собирания распавшейся России, а соответственно и восстановления, и увеличения международного веса российской государственности. При подходе большевиков к Варшаве в Европе со всех углов заговорили не о “большевиках”, а новом появлении на мировой арене России»⁴⁵.

Сменовеховцы приветствовали бывших представителей царской армии, примкнувших и большевикам, и даже посвятили сам сборник генералу Брусилову. Большевистский интернационализм представлялся им не более чем камуфляжем. В конкретных исторических условиях, полагали сменовеховцы, только большевики способны восстановить национальную государственность, взять на себя миссию собирателей земли русской. Революция в России была в их понимании не иностранной экстраполяцией, а выражением духа народного бунта — «разинщины» и «пугачевщины». Участие в революционных событиях инородческих элементов преподносилось как факт вторичного значения, и объяснялось увлечением тех бунтарской русской стихией. Более того, интернационализм рассматривался сменовеховцами в качестве важного стратегического орудия, обеспечивающего восстановление единого российского государства и дальнейшее расширение его территориальных пределов.

Одно из центральных мест в сменовеховском движении занимала фигура Н. В. Устрялова. В резком диссонансе со сложившимися стереотипами звучало устряловское представление большевизма в качестве причудливо преломленного духа славянофильства. Даже, отвечал Н. В. Устрялов на распространение в эмиграции трактовки революции через призму инородческого заговора, если признать, что 90% революционеров составляли инородцы главным образом, евреи, это «не опровергает чисто русского характера движения»⁴⁶.

⁴⁵ Чахотин С. С. В Каноссу! // Смена вех. Июль 1921 / сб. ст. Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина, Ю. Н. Потехина. Прага: Тип. Политика, 1921.

⁴⁶ Устрялов Н. В. *Patriotica* // Новости жизни. 1920. 17 июня.

Евразийство

Ввиду сложившейся в СССР системы легитимизации одной генеральной политической линии русская эмиграция стала центром сосредоточения альтернативного дискурса, публичного спора о путях развития России. Ключевым вопросом эмигрантской саморепрезентации стал вопрос об отношении к советскому проекту. С одной стороны, сохранялась, дискурсивно воспроизводясь с течением времени, линия политически непримиримых. Все сложившиеся еще до Революции идеологические платформы российской общественно-политической жизни в эмиграции самовосстанавливаются. Другой стороной явилось направление примирения с советским проектом, что достигалось переосмыслением его с общенациональных позиций, встраивания в единую историю России.

Оригинальный для мировой интеллектуальной мысли в целом концепт был выдвинут в рамках теории евразийства. Базовыми положениями евразийского концепта являлись — евразийскость российского месторазвития, идеократия как принцип государственной организации, интегральный надэтнический национализм на основе славяно-тюркского симбиоза.

Евразийцы находили первоконстанты общественного бытия народов, в том числе и народа русского, в географических средах существования. Российский исторический путь и политическая модель организации России были, по мысли евразийцев, производны от специфики месторазвития в рамках континента Евразии. Под Евразией ими понималось не традиционное обозначение материка — Европа плюс Азия. Евразия евразийцев являлась особым континентом, совпадающим фактически с границами России и противостоящим континентам — Азии и Европы⁴⁷.

Евразийство представляет собой русскую научную школу геополитики. Особенно значительными являются геополитические разработки с позиций евразийства Петра Савицкого и введшего в оборот понятие «месторазвитие». География задает два противоположных друг другу принципа организации общественных систем — океанический и континенталистский. Для континенталистских держав характерен имперский прин-

⁴⁷ Иванов А. В., Попков Ю. В., Тюгашев Е. А., Шишин М. Ю. Евразийство: Ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2007.

цип организации, особое значение государственного начала, неторговый тип экономики. Россия позиционировалась как главная континенталистская сила мира, а русский народ отличало континенталистское мировосприятие⁴⁸.

В силу континенталистской заданности русское государство является идеократическим. Оно выстраивается сверху вниз от высшей идеи к ее воплощению в различных сферах бытия социума. В этом отношении оно отличается от таласократического — морского типа организации государств на Западе. Евразийцы заявляли то положение, что европеизация России не только желательна, но и фундаментально невозможна. Попытки ее европеизировать носили подражательный характер и привели в итоге к катастрофе 1917 года.

Славяно-тюркский проект выстраивался евразийцами через переосмысление монгольского периода истории. Вопреки прежней традиции Орда освещалась ими в позитивном ключе. Подчеркивалось огромное значение ордынской компоненты в государственностроительстве России, в развитии системы коммуникаций (почта, торговля, финансы, язык), в защите Православной Церкви от поглощения папством. Монголы и тюрки выступили исторически в качестве объединяющей силы евразийского пространства. От них эту роль интегратора Евразии взял на себя русский народ. Особенно высоко из всех русских государственных деятелей оценивался евразийцами Александр Невский, обозначивший восточный вектор политики Руси и справедливо видя угрозы для нее, продуцируемые вектором европеизации. Славяно-тюркский союз в понимании евразийцев предоставлял России возможность геополитического продвижения в восточном направлении.

Евразийцы полагали, что большевики восстанавливали в России евразийскую модель после периода двухсотлетней европеизации Петербургской империи. В печатных изданиях евразийцев пропагандировались успехи СССР, размещались кадры строек первых пятилеток. Ряд исследователей утверждает о наличии фактов сотрудничества отдельных представителей евразийского движения с ГПУ. Советские симпатии привели в конечном итоге к Клармарскому расколу, разделив евразийцев по их отношению к СССР⁴⁹.

⁴⁸ Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.

⁴⁹ Никитенко Е. В. Евразийство 1920-х гг.: история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности Пражского и Париж-

Устрялов и идеология национал-большевизма

С именем Николая Устрялова принято связывать генезис национал-большевистского направления в русской общественной мысли. Термин национал-большевизм был впервые введен в оборот видным представителем правого течения в немецком социалистическом движении Эрнстом Никишем. Применительно к устряловскому учению данный маркер первоначально использовался оппонентами. Однако затем и сам Устрялов воспринял его как адекватное отражение сути выдвигаемого им подхода.

Гегелевская триада диалектического восхождения раскрылась Н. В. Устряловым следующим образом: тезис — русский национализм, антитезис — большевистский интернационализм, синтез — национал-большевизм. Общий тренд развития СССР определялся формулой «национализации Октября». Коммунистический утопизм, полагал он, все в большей степени, год от года будет вытесняться русским патриотизмом. В итоге, пройдя через период революционного отрицания, Россия, считал Н. В. Устрялов, предстанет более национально-ориентированной страной, чем она была при императорской власти⁵⁰.

С подачи М. С. Агурского сложилось мнение о славянофильских основаниях воззрений Н. В. Устрялова. В действительности, относясь с высоким пиететом к славянофилам, как национально-ориентированным мыслителям, им была создана теория, расходящаяся с философией славянофильства по всем основным параметрам.

Для Устрялова совершенно неприемлемым являлось приоритетное по отношению к государственной власти положение православия. Именно государство, а не Церковь, воспринималось им в качестве высшей ценности. Православная религия вполне могла быть заменена коммунистической идеологией, если эта замена не умаляла российского государственного величия. Для славянофильствующих авторов отречение от православия в пользу империи не представлялось возможным.

ского (Кламарского) центров движения: диссертация ... кандидата исторических наук. Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2011.

⁵⁰ Устрялов Н. И. Избранные труды (составление тома, вступ. статья, комментарии). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

Национал-большевизм Н. В. Устрялова был, прежде всего, эстетическим выбором. Устряловская эстетика была направлена против коррозии буржуазного мещанства. Сам Н. В. Устрялов проводит параллели в своём обличении «усталого человечества» с ницшеанским Заратустрой. Буржуазному человеку «ленивого мира» и «трусливого компромисса» им противопоставляется дух имперского созидания.

Не будучи адептом религии, Н. В. Устрялов вместе с тем не является материалистом. Эпоха материализма, полагал он, идет к своему завершению. Генерируется новая общественная система, переориентированная от материальных к духовным ценностным координатам. Предвестником будущего Н. В. Устрялов оценивал феномен тотальной тоски по мирозерцанию.

Н. В. Устряловым было предложено оригинальное психологическое понимание природы государственной власти. Само государство мыслилось им как «заложенный в таинственной глубине человеческой психики» феномен. Оно, полагал Н. В. Устрялов, имманентно связано с душевной природой человека, а потому не может быть упразднено в обозримой исторической перспективе в антропологическом смысле. Сообразно с этим взглядом, им развивалось представление о несиловых, неинституциональных основаниях государственности. «Не физическая сила, не пушки, и не кулаки, а души человеческие» составляют, согласно Н. В. Устрялову, кирпичики государственного строительства. Поэтому идеократия, полагал он, есть функционально наиболее естественная организация государства. Назначение власти, в устряловской интерпретации, заключается не только в том, чтобы «пасти тела, но и ковать души».

Любое государство, утверждал Н. В. Устрялов, обладает собственной неповторимой идеей, считая ее «истинной, достойной, праведной». Порочность либерализма виделась ему именно в том, что навязываемый всем народам единый универсалистский концепт мешает их идейному самосознанию и национальным формам бытия. Сущность мировой политики виделась Н. В. Устрялову в борьбе этих «идей сил». Каждый народ, согласно устряловскому пониманию, исторически утверждает, что его национальная идея выше и совершеннее, чем у других. Если же такое стремление отсутствует, то можно диагностировать утрату соответствующим народом смысла своего бытия.

Н. В. Устрялов являлся приверженцем унитарной модели государственности. Национально-территориальное устройство федеративного типа в СССР, естественно противоречило устряловскому идеалу. Однако идеолог национал-большевизма считал такое положение временным. «Мелкобуржуазный» принцип самоопределения наций большевики, по его мнению, в будущем пересмотрят. На это, продолжал он свои рассуждения, указывает как сама логика центростремительного развития, так и противоречие положению о национальных суверенитетах лозунги «всемирной пролетарской революции» и «диктатуры пролетариата».

Отношение Н. В. Устрялова к НЭПу определялось не самим содержанием нэповского курса, воспринимаемого им довольно критически, а его значением в качестве отступления от ортодоксальных схем коммунистической идеологии. «Спасительный путь термидора — НЭП», — формулировалось им со страниц сменовеховского сборника. Крылатым в 1920-е гг. стало устряловское выражение о нэповском «спуске революции на тормозах». В коллизиях установления НЭПа в России Н. В. Устрялов обнаруживал противоречия эволюции и тактики большевистского режима. Вектор эволюции виделся ему в термидорианском перерождении революции. Тактика же связывалась с близоруким ортодоксальным коммунистическим сопротивлением эволюционным процессам. Когда же, наконец, большевики осознают историческую необходимость переориентации на национальные рельсы развития, противоречия между эволюцией и тактикой будут устранены.

Впрочем, НЭП, как хозяйственная система, не представлялась Н. В. Устрялову особо привлекательной. В устряловских работах содержались многочисленные оговорки о рисках экономической либерализации. К таковым, например, относилось неограниченное задачами поддержания государственного суверенитета распространение института частной собственности. Не воспринималось Н. В. Устряловым приемлемой для России и характерная для Запада модель капиталистической организации. В начале 1930-х гг., под влиянием возрастания в условиях мирового кризиса регулирующей роли государства, у Н. В. Устрялова формируется концепт об этатизации национальных экономик.

Оценка Н. В. Устряловым феномена Новой экономической политики большевиков существенно расходилась с подходом к ней других представителей сменовеховской мысли. Для

большинства сменевеховцев НЭП являлся позитивным свидетельством термидорианской трансформации большевизма. Н. В. Устрялов находил тому иные подтверждения. НЭП рассматривался им в большей степени как угроза, «экономический Брест большевизма». Допущение в экономически разорённую страну иностранных капиталов означало, в устряловском понимании, вызов государственной самостоятельности. Вслед за торгово-финансовым проникновением, предупреждал он, могут наступить «попытки интервенции и дружеских оккупаций». Период НЭПа рассматривался Н. В. Устряловым отнюдь не как советский термидор, а время затишья перед новым наступлением национально-державных сил.

Гораздо в большей степени, чем НЭП убеждало Н. В. Устрялова в национальной эволюции большевизма выдвижение концепта построения социализма в одной стране. Он пристально следил за тем, как идея мировой революции постепенно вытесняется из большевистского идеологического арсенала. Принятая В. И. Лениным в качестве тактического хода, в сталинские годы доктрина построения социализма в одной стране приобрела уже характер официальной идеологемы.

В противоречии с прежним нэповским курсом, Н. В. Устряловым провозглашается идеал построения советской автаркии. СССР, согласно устряловской рецептуре, должен был стать «в известном смысле» самодостаточной, самодовлеющей страной. Именно такая система, полагал Н. В. Устрялов, в наибольшей степени соотносится со стоящими перед государством задачами индустриализации.

Советской модели отдавалось даже преимущество в сравнении с государственной системой поздней Российской империи. Национальная идея, провозглашалось в редакционной статье первого номера журнала «Смена веx» (одноименного с названием вышедшего ранее сборника), была очищена великой русской революцией от «реакционной ржавчины». Оказавшись невосприимчивой к вызовам времени, императорская форма государственности разрушилась, сохранив вместе с тем под новой большевистской вывеской свое национальное содержание. Славянофильство взяло верх посредством русской революции над западничеством⁵¹.

⁵¹ Устрялов Н. И. Избранные труды (составление тома, вступ. статья, комментарии). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

* * *

Революция 1917 г. имела не только социальную, но и этническую составляющую, ознаменовав победу национальных окраин над метрополией. Политическим выражением интернационал-коммунистической парадигмы стало преобладание во власти нерусских элементов. Однако с середины 1930-х гг. возобладала противоположная тенденция. Под прикрытием чисток осуществился приход к власти новой кадровой прослойки, главным образом крестьянского происхождения, уменьшающей в ней инородческие элементы. Трансформация 1930-х гг. представляла собой национальную реакцию преимущественно славянской страны на космополитические эксперименты предшествующих десятилетий. Исторические деяния Сталина подняли эту прослойку до уровня государственной власти⁵². Ценой трансформаций стали большие человеческие жертвы и трагедии. Результатом — последующие Победа и мощь СССР.

⁵² Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. Париж: Умса-Press, 1980.